Я пошел к костру снаружи, и там был безнадежный Юань Чхонси, так глубоко погруженный в очередную порцию еды и напитков...

Линь Фэн помахал мне в его сторону, и я сел. Девушка подарила ему баранью ногу, которую он передал мне. "Идём, брат! Я знаю, тебе понравится!" Я не могла устоять перед улыбкой, отняв у него жареную ногу и покусывая, пробуя её. Насыщенный вкус жареного мяса покалывал мои чувства; это было сказочно! Тетя Улан села рядом со мной, улыбаясь. "Попробуй ещё, мой хороший мальчик!" Моя голова сильно покачивалась, как маленький мальчик, пока я продолжал отбивать мясо, беря у нее из руки чашку кумиса (кислого кобыльского молока). Это был первый раз, когда я попробовал такой напиток, что было впечатляющим опытом. Тетя Улан была очень рада видеть, как я наслаждаюсь едой. Она приложила пальцы к рту и крепко свистнула, а музыка и пиршество поднялись до крещендо, когда все встали на ноги и начали танцевать вокруг костра. Некоторые струились на своих музыкальных инструментах, некоторые танцевали, в то время как другие пели на верхушке своих голосов. Волны взволнованной болтовни и смеха раздавались; истинные звуки веселья и юбилея!

Ужин был похож на праздничный вечер, которым все наслаждались в полной мере! Некоторые из тусовщиков стали демонстрировать свои умения; были танцы и пение, а также девушка, которая занималась конной акробатикой, в то время как она бросала дротики за круглую мишень. Не имея возможности сдерживать себя, Линь Фэн прыгнул к ногам, рыча от смеха. "Скучно просто выступать в одиночку! Позволь мне быть твоим напарником!" Он бросился в воздух и выстрелил три раза подряд, выпустив три дротика, которые попали в ярко-красный бычий глаз.

Это вызвало у него бурные аплодисменты и восклицания! Даже девушка, которая бросала дротики со своей лошади, смотрела ему в глаза одобрительными пальцами. Взгляды всех позади меня вдруг, как будто ожидая моей очереди, чтобы поставить на дисплей теперь, когда Линь Фэн показал свое мастерство. Моя голова быстро дрогнула, и вот она, цитра, лежащая в углу в этом лагере мародеров! Я кивнул Сяо Ци и Сестрам, которые поняли мою негласную инструкцию по перемещению цитры ко мне. Когда Сестры поставили цитра передо мной, я громким голосом сказал: "В отличие от брата Лина, я не обладаю боевыми навыками, так как мои наклонности всегда были более культурными и художественными". Не видя Сестер за работой, все просто увидели, как цитра парила в воздухе и пришла отдохнуть передо мной. Мои пальцы выследили отделение в цитре, из которого я вытащила ленту и акриловые ногти, чтобы надеть на себя. С легкой струной, чтобы проверить струны, мои пальцы начали грациозно скользить по струнам, играя песню, которая вызывала воспоминания у всех в голове...

Это была народная песня, знакомая большинству монголов, "Лебединый гусь". Играя песню, я едва ли не выходила за рамки своего репертуара, но играла на цитре так же мастерски, как надевала туфли и носки! Но чего все не ожидали, так это того, что я смогу сыграть песню, которую знает только большинство монголов. Опять же, я бы не стал играть эту песню, если бы у меня были хоть малейшие сомнения в том, что я понимаю эту песню. Вокруг костра царила тишина, так как музыка заполняла комплекс, так как все были мгновенно ошеломлены. Медленно все вздрагивали от своего ошеломленного изумления, медленно начинали следовать мелодии песни, которая висела над потрескивающим огнем, когда Эдельвайс нашел скрипку с лошадиной головой (Mongolian morin khuur) и начал играть тоже в гармонии с моей музыкой!

Редко цитры выступали с другими инструментами. Диссонанс между его мелодиями с большинством других инструментов всегда иллюстрировал одинокое изображение для цитеров, которые в основном играли в одиночку. Но, как ни странно, музыка скрипки с лошадиной головой, казалось, соответствовала безупречному созвучию, когда я играл "Лебединый гусь". На самом деле, когда я играл в одиночку, я начал испытывать восторженное и в то же время успокаивающее ощущение, которого раньше никогда не испытывал. Дрожащая мелодия "Лебединого сына" принесла покой и бессмертие в ночь, когда все сосредоточились на тишине. Наконец, в конце песни, наше выступление было очень к шумному восторгу всех, вновь возвращая настроение пиршества к его шумному великолепию. Я показал большой палец Эдельвайс, который улыбнулся в ответ.

Затем все посмотрели на тупого Юаня Чунси, который просто глупо хихикал, говоря: "Боюсь, мне нечего показать; я не знаю ничего, кроме еды и божественной судьбы". Чтобы поддержать праздничное настроение, я подбросил палец Юань Чунси и громко закричал: "Ваш глупый взгляд уже сам по себе разнообразен! Он был ошеломлён моим замечанием, только чтобы через несколько секунд вздрогнуть от смеха. Каждый из нас вздрогнул от смеха, и мне стало интересно, смогу ли я стать комедийным актёром.

Шутки и подшучивания продолжались у костра, и ко мне подошла фигура. Это был Эдельвайс, который пришел с ликером. "Это мой жест извинений, - сказала она, - за неуважение несколько дней назад!" Я поднял бокал за нее. "Не упоминай об этом!" Сначала я опустил бокал в знак уважения, только чтобы обнаружить, что она уже опустошила бокал, уставившись на меня. Черт, я подумал. Значит, слухи о том, что женщины дикой природы могут пить как рыба, все-таки были правдой! Как раз в это время призрак Сяо У неторопливо вздрогнул, и дуновение ее иньской энергии проросло в миниатюрный огненный шар, зажженный пахучим костром. Энергия Инь произвела зеленое пламя при вспыхивании. Маленький зеленый шар пламени вспыхнул прямо перед Эдельвейсом, который мгновенно прыгнул с испугом в редкое проявление ее женских черт. "Ах! Почему огненно-зеленый цвет!" - закричала она. Ее визги привлекли внимание некоторых других ее товарищей, чьи глаза недолго кружились вокруг нас, прежде чем они вернулись к своим болтовням и веселью, когда ничего не было достойно внимания. Эдельвайс подозрительно смотрел на меня, ожидая, что я отвечу на ее сомнения. Я поднял плечи неловким пожиманием плечами и слабо улыбнулся. "Ничего страшного, - сказал я, - призрак только что прошел мимо и заставил маленькую ленту пламени зеленеть". Вот и все". Глаза Эдельвейса широко увеличились, и она произнесла громкое "А?". Я помахала ей вниз, сигнализируя о тишине. "Не волнуйся, - сказал я, - бояться нечего". Они на нашей стороне. Они хотят только веселиться, и они не позволят ничему встать у них на пути в поисках удовольствия. Их не остановить". "Они?" Эдельвайс чуть не закричал: "Сколько их здесь?" Я заснул. "Здесь я и два моих спутника, с шестью призраками, сопровождающими нас. Шестеро из них были настолько скучны, что надоедали, когда услышали, что мы едем сюда. Как еще вы думали, что пистолет был оторван у вас от рук несколько дней назад?" Наш разговор был прерван еще одной вереницей девушек, которые пришли со стаканами спиртного для меня. Один за другим я выливала стаканы последовательными глотками, зарабатывая буйные приветствия, которые хвалят мою способность пить!

Один за другим все приходили поднять тост втроем. В конце концов, я ускользнул при первой же возможности и направился к тете Улан. "Тост", - громко объявил я, на благо всех присутствующих, - "За мою маму!" Тетя Улан была так удивлена, что едва смогла отреагировать. С неверием в ее дрожащий голос, она спросила: "Ч-что, как ты меня только что назвал?". Я вздохнула с небес и громко крикнула: "Ты моя крестная! Мама!" То, что я только

что сказала, прозвучало глубоко в ее ушах и в ее разуме, как слезы струились по ее лицу. Она боролась с подавляющими эмоциями, задыхаясь своим дрожащим голосом: "Хорошо!" Мы подняли бокалы в тосте и опустошили их одним махом. Все были ошеломлены моим внезапным всплеском, даже Юань Чунси и Линь Фэн были ошеломлены, не зная, что случилось. Но с моим громким заявлением "Крестная мать!", весь лагерь разразился огромным подъемом восторга...

Веселье у костра продолжалось до тех пор, пока в предрассветные часы я не почувствовала, как похмелье переполняло меня. Я оглянулся вокруг и обнаружил, что Линь Фэн и Юань Чхонси уже рухнули на землю, а один спал на коленях у другого! Я вздохнула с ожесточением и скользила вниз по мягкой траве, вдыхая аромат свежих Внутренних монгольских лугов, когда сон меня быстро отбросил...

Я был уверен, что едва ли проспал больше нескольких минут, когда рука пожала мне руку. Я уже оказался в комнате. Быстро, я потащил себя умыться. Я спросил время, и девушка, которая меня возбуждала, сообщила, что это было уже после обеда. Я ударила себя по голове в неудачной попытке затушить пульсирующую головную боль. "Там был чужак, который только что пришел, - сказала девушка, - думаю, они здесь из-за тебя." Внезапные новости привели меня в чувство, немедленно рассеяв любую затяжную вялость, которая притупила меня. Я бросилась из своей комнаты и тут же ворвалась в главный холл, где нашла свою крестную мать одну. Человек пришел раньше и попросил встретиться с тетей Улан, представившись в качестве брокера для Хранилища Черного Дракона. Человек пришел, чтобы от имени Хранилища Черного Дракона обсудить возможную сделку. Но моя крестная отказалась встретиться с ним. Вместо этого она передала сообщение, что брокер едва ли способен заключать с ней сделки! Человеку было запрещено входить и он был вынужден покинуть лагерь. Я кивнул, когда слушал ее рассказ. "Мы поговорим только тогда, когда этот сопливый Чжэн покажется!" Она шипнула, как я и договаривался.

Прошло еще несколько дней, пока к воротам лагеря не подошел человек средних лет с требованием встретиться с тетей Улан! Он объявил себя Чжэн Тонгом, главарем Хранилища Черного Дракона, и его сопровождали несколько его охранников. Крестная мать устроила им встречу в зале, где они и познакомились. Чжэн Тун сначала выразил сожаление по поводу якобы имевшего место недопонимания между обеими сторонами, которое привело к непрекращающимся разногласиям между ними, и раскрыл здесь свою цель - предложить сделку, которая способствовала бы установлению теплых отношений между ними. Ходили слухи, что тётя Улан наложила руки на редкие товары, на которые он хотел бы торговать, признался он, и поэтому сегодня он прибыл с просьбой о ценовом предложении!

"Значит, мы похожи на кучку измождённых попрошаек, господин Чжэн?" Тетя Улан рычала на него. Чжэн Тун гнусно посмеялся перед тем, как ответить: "Я приехал с грузом из России не так давно. Интересно, может, они вас заинтересуют?" Он передал маленький манифест о доставке тёте Улан, которая проглядела его недолго. Это всё оружие и боеприпасы! Контрабандное оружие! "Товар кажется удовлетворительным", - просто отметила тётя Улан. "С вашего позволения, я буду рад, если товар будет отправлен сюда, чтобы обменять его на ваш". Мы пройдем проверку там и потом. Как вам это подходит?" "Такие "выгодные" условия? Нам не нужно доставлять товар вам?" Тетя Улан саркастично заметила, с четким намеком на слово "выгодные". Чжэн Тун дал короткий, злой хохот. "Хе-хе-хе! Я верю в вас, госпожа Улан. Но этот мальчик..." Он жестовал мне и продолжал говорить: "Его отец, Муронг Хай, известный медиум, чьи силы и способности даже выше нашего понимания. Конечно, я не могу нести

ответственность за то, что с его сыном случилось что-то плохое, чтобы не подвергнуться его гневу". Опять же, есть опасение, что навыки мальчика с трюками и волшебством, если ты справишься с доставкой и словом о твоем поручении, сбежавшим из этого лагеря. Это риск, который я не могу вынести!" "Хорошо, тогда, раз уж вы так заботитесь о безопасности, мы сделаем это по-вашему: вы привезете с собой груз, а я разрешу вам осмотреть мой. Но я не буду отвечать ни за что, что произойдет после торговли!". Чжэн Тун коварно зажал и ответил: "Конечно, конечно!". "Итак, когда вы хотите начать торговлю, господин Чжэн?" Тетя Улан спросила. "Тогда завтра! Хорошо?" Чжэн Тун предложил, а тётя Улан вкратце ответила: "Хорошо! Тогда завтра!"

Я подождал, пока Чжэн Тун уйдёт, и поручил Сяо Си и Сяо У провести зачистку лагеря, чтобы убедиться, что вокруг нет невидимых шпионов, прежде чем я вернусь в зал. "Итак, что ты думаешь о завтрашнем дне, сынок?" Моя крестная спросила меня. Я вспыхнул зловещей улыбкой и пробормотал: "Давай превратим Хранилище Чёрного Дракона в Хранилище Чёрных Берегов"!

http://tl.rulate.ru/book/34841/920395